Вступление

Перевалило за одиннадцать вечера, час отбоя давно миновал.

В общей комнате, кажется, никто не спал, кто-то переговаривался вполголоса, другие копошились в телефонах. От неуютности из-за непривычной компании, возникшей в самом начале лагеря, к этому моменту не осталось и следа.

Я иногда кивал, присоединяясь к беседе с Хашимото, Одой и кохаями, но в основном смотрел видео по пэчворку.

Вдруг телефон завибрировал.

[Хиёри: Ты еще не спишь?]

В верхней части экрана показалось сообщение от Хиёри.

[Аянокоджи: Нет. Никто из парней не спит, не переживай.]

Я пояснил, что она может спокойно слать несколько сообщений подряд.

[Хиёри: Хорошо. Такое дело, я только поняла, что Ямамуры-сан с нами нет.]

Нет Ямамуры? По правилам не разрешалось выходить из комнаты после отбоя.

[Аянокоджи: Вышла, значит? Позвонить пробовала?]

[Хиёри: Она оставила телефон в комнате. Я сомневалась, стоит ли идти искать ее… и потом подумала, может, ты сможешь помочь, Аянокоджи-кун?]

Судя по всему, Хиёри терялась в таких делах. Кроме того, если она не умеет двигаться украдкой, рано или поздно столкнется с учителями, которые совершают обходы.

Попросить о помощи было правильным решением.

Лагерь почти закончился, но Ямамуру лучше не оставлять без внимания. Во вчерашней игре в карты у нее было слишком мрачное выражение лица. Я догадывался о причине. Поэтому надо бы поскорее отправиться на поиски.

[Аянокоджи: Понял. Я схожу, а ты оставайся в комнате, Хиёри. Мне нужно знать, когда она

вернется.]

Хиёри в ответ отправила стикер с милым животным и надписью «спасибо».

— Я ненадолго.

— Э? Так отбой же, забыл? Если увидят, будут проблемы.

— Нужно кое-что найти. Я постараюсь не попасться. Если не получится, можете все сорваться на мне.

Хашимото с остальными не стали больше отговаривать, даже напротив, они с радостью выпроводили меня.

В коридоре, естественно, было темно из-за выключенного света и тихо.

Итак… откуда начать поиски?

От бесцельных скитаний толку не будет.

Ямамура была не из тех людей, которые нарушают элементарные правила, значит, заставить ее уйти из комнаты могли две причины: либо кто-то позвал, либо просто захотелось. Однако первый вариант маловероятен, так как она оставила телефон.

Тогда будем исходить из того, что ей захотелось выйти. Следующий вопрос: почему после отбоя, а не в любое время до него?

Ночная тишина вокруг контрастирует с бушующими мыслями в голове. В такие моменты человеку иногда хочется куда-нибудь сбежать. И неудивительно, если стремиться он будет в место уединения — в место, где сможет найти покой.

Куда могла стремиться ученица по имени Ямамура Мики, если применить к ней ту же логику…

Я беззвучно пробрался в вестибюль. Тут же заметил присутствие другого человека и спрятался в тени.

Судя по всему, это учитель, светя фонариком, совершал обход.

Со своего места я не видел его, но по свету можно было понять местоположение.

На тщательный поиск нарушителя, сбежавшего из общей комнаты, не похоже. Скорее, это была просто обязанность, всего лишь часть работы.

Поэтому легче было подождать, и да, вскоре вестибюль снова опустел. Кажется, он направился в столовую. Судя по маршруту, дальше пойдет либо к общим комнатам, либо к кабинетам для практических занятий.

Время еще есть. Вместе с тем я пошел прямо к торговым автоматам. У меня была только догадка насчет этого места, и оказалось, что верная.

Ямамура нашлась возле торговых автоматов, только она не сидела рядом, а встала к нему спиной. В коридоре было прохладно, может, хотела согреться… или нет, наверное, я слишком все усложняю.

Я подумал, она рано или поздно заметит меня, но понял, что вряд ли.

Никаких признаков блужданий по воспоминаниям — ни изменений в выражении лица, ни тяжелых вздохов. Она просто уперла взгляд в пол и не шевелилась.

— Учителя, наверное, даже не думают искать здесь учеников, — заговорил я, потому что наблюдать за ней вечно не мог.

— А… Э?!

Удивившись, Ямамура повернула голову в мою сторону. В глазах читался страх, который исчез сразу, как она поняла, что это я.

— П-п-п-почему ты… здесь?..

— Если поймают, проблем не избежать. Я пришел, чтобы вернуть тебя прежде, чем дойдет до этого.

— Я уверена, что меня не… Была уверена… Хотя ты же меня нашел, Аянокоджи-кун…

Так-то оно так, Ямамура вполне могла вернуться в общую комнату, оставшись незамеченной.

— Как ты догадался… что я ушла?

— Я не догадывался. Хиёри заметила твое отсутствие и сказала мне. Она волновалась за тебя.

— Мне жаль… Я просто… хотела немного побыть одной…

— Понимаю, в общей комнате остаться наедине никак, если только не запереться в туалете, — слегка кивнул я.

— Могу я еще постоять? Здесь…

— Возле торгового автомата?

— Да. Шум от него всегда заглушает назойливые мысли в моей голове…

Похоже, это превратилось в привычное средство самозащиты Ямамуры.

— Автоматы у нас только здесь? И как? Шум заглушил назойливые мысли?

— П-почему ты… спрашиваешь?

— Потому что если нет, ты можешь снова убежать. И потом… как бы не хотелось говорить прямо, но мне кажется, это не работает.

— Раньше срабатывало сразу, я переставала их слышать… Раньше…

Иначе говоря, сейчас — не сработало. Подавленное выражение лица Ямамуры говорило о серьезной проблеме.

— Если тебя что-то беспокоит, лучше выговорись.

— Нет… Со мной все в порядке.

— Правда? Я наблюдал за тобой около пяти минут, и мне совсем не кажется, что с тобой все в порядке.

— П-пять минут?!

— Прости, про пять минут я солгал. Тридцать секунд, не более.

Она даже не усомнилась в названном времени, выходит, в самом деле не обращала внимания на свое окружение.

— Тебе не нравится говорить о своих проблемах?

— Дело не в том, нравится или нет, просто… я никогда так не поступала…

Половину жизни Ямамуры представить нетрудно даже без рассказываемых подробностей. В детстве большую часть времени проводила, вероятно, одна, в основном молчала.

Обстоятельства и среда у нас сильно отличались, конечно, но и кое-что общее между нами я разглядел.

— Я тоже не то чтобы прямо разговорчивый человек. А скорее из тех, кто любую проблему будет замалчивать и пытаться решить ее в одиночку. И у меня также было мало возможностей высказаться перед кем бы то ни было.

— Говоришь, ты тоже такой, Аянокоджи-кун? Но мне ты… кажешься нормальным. У тебя много друзей, насколько я вижу. И Шиина-сан. Она такая яркая, такая милая… Я завидую…

Быть может, ничего странного, что она так считает, глядя на нас нынешних. Но в каждом из нас были изъяны, которые со времени ушли в прошлое.

— Ты знаешь, каким я был раньше, почти два года назад?

Не должна — ей неоткуда было узнать, ведь на тот момент она, вероятно, еще не работала на Сакаянаги.

— Нет… не знаю, совсем.

— Видишь? Это значит, я точно не был из числа выделяющихся учеников. К счастью, добродушные одноклассники не бросили меня, и со временем мне удалось кое с кем построить отношения, но это не то, к чему я шел один.

— Тогда… как ты стал таким, какой есть сейчас?

— Не мне раздавать советы, ведь даже сейчас я не назову свои отношения с людьми идеальными. Но в прошедшие два года я делал усилия над собой и постепенно сближался с остальными. В какой-то момент смог начать говорить то, о чем хочу поговорить.

До этого Ямамуре еще предстоит дойти.

— Я, наверное… боюсь. Боюсь озвучивать мысли. Боюсь, что эти мысли случайно передадутся остальным. Боюсь, что о них узнают…

Ямамура до сих пор была по противоположную сторону. За кулисами узнавала мысли других,

передавала их третьей стороне. Очевидно, почему она не хочет оказаться в таком же положении.

— Я не принуждаю тебя. Сама решай, надо оно тебе или нет.

Я немного отошел, чтобы не давить, медленно сел возле торгового автомата. Почувствовал спиной слабую вибрацию, услышал шум работающего вентилятора.

Одиночества боится не только Ямамура.

Взять Йоске, Кей, Рьюена, Сакаянаги или любого другого ученика — человеческая природа одинакова. Люди не выносят одиночества, не могут жить сами по себе.

Вот почему так важны те, кто поддерживает бескорыстно.

Это одно из понятных мне заключений, хотя я и не уверен, применимо ли оно ко мне. Здесь есть противоречие. Впрочем, сейчас это не имело значения.

Ямамура не глупа.

Она не искала одиночества, не считала его чем-то правильным. Нужно, чтобы кто-нибудь встал рядом и с пониманием протянул ей руку помощи, этого будет достаточно.

— Можешь… выслушать меня?

Не чувствуя враждебности, Ямамура начала озвучивать мысли, которые держала в себе.

— После последнего специального экзамена я постоянно задаюсь одним вопросом…

Она коснулась произошедшего в классе А во время специального экзамена «На выбывание».

Проиграв, Сакаянаги должна была выбрать того, кто будет исключен, и она решила провести жеребьевку. Любой метод неизбежно породит сторонников и несогласных. Несогласные будут как при простом выборе, так и в случае жребия, ведь способности у всех разные.

Сакаянаги же равняла всех учеников, которые были ей не ровня, и потому, скорее всего, посчитала жребий справедливым решением. Хотя теперь и понимала, что решение было плохим.

Ей нужно было оставить полезного для себя человека, даже если бы вызвала этим отвращение к себе. Сакаянаги, оставь она Камуро, не раскрыла бы слабость.

Однако пострадала в той истории не одна Сакаянаги.

Ямамура была одной из двух, кому оставалось тянуть жребий, и она балансировала на краю.

— Когда я не могла решиться, Сакаянаги-сан сказала, что все кончено. Потому что если трусишь, значит, отказываешься тянуть жребий…

Вполне справедливо для того, кто слишком медлит.

Однако Ямамуре казалось, что это было поспешным решением.

— Камуро была настолько небезразлична Сакаянаги, что она попыталась избавиться от тебя. Вот что ты хочешь сказать?

Ямамура молча кивнула. Это не догадка, она была в этом уверена.

— В тот момент мне стало ясно, Сакаянаги-сан хочет, чтобы из школы ушла я.

И сразу продолжила:

— Я понимала, что ничего не могу сделать. В смысле, полезность Камуро-сан не идет ни в какое сравнение с моей. Я и не хотела к себе особого отношения. Не хотела жадно хвататься за надежду, будто она считает меня своим другом. Просто… меня поразило, что от меня могли избавиться буквально в следующее мгновение… А ведь пользуясь мной, она называла меня ценным человеком…

Сакаянаги видела хороший потенциал в Ямамуре, которая всегда держится обособленно. Однако сравнив с Камуро, она увидела огромную разницу и пришла к выводу, что никаких «но» быть не может.

Ямамура готовилась к тому, что предпочтение отдадут Камуро, но надеялась на хоть малейшее колебание. Ее маленькое желание, рожденное из самоуничижения, не исполнилось.

— Возможно, Сакаянаги и правда видела разницу между тобой и Камуро. Но считает ли она тебя ничего не стоящей — уже совсем другой вопрос, тебе так не кажется?

— Мне хотелось бы в это верить, но…

Похоже, она с того дня ни разу не говорила с Сакаянаги. Поэтому продолжала задаваться этим вопросом снова и снова.

— Я думала подойти к Сакаянаги-сан, пока мы в лагере. Но не могу решиться, не могу заставить себя заговорить…

Ямамура не раз виделась с Сакаянаги, но разговор не начинала. И начать его самой, должно быть, очень трудно для той, кто обычно ждет, пока к ней не обратятся.

— Ее постоянно окружают люди, и их больше, чем я представляла. Даже Токито-кун, который из-за этого… попал в большие неприятности.

Ямамура рассказала, как Токито хотел помочь разбитой Сакаянаги. О том, что его заметили, сказали прийти к мастерской и осадили вопросами.

— В конце концов Токито-куна… силой прижал Рьюен-кун вместе со своей компанией и начал ему угрожать.

С позиции Рьюена решение уместное, это своего рода подготовка к экзамену в конце года.

Если оппонент неожиданным образом сдал, нужно либо оставить все как есть, либо попытаться ослабить его еще сильнее. Последнее немного жестоко, но упускать такую возможность не стоит.

Судя по всему, он хочет оставаться начеку и намерен подойти к экзамену в конце года в полной готовности.

Рьюен уже знает, что на экзамене столкнется с Сакаянаги, и естественно, он хочет не дать ей вернуться в строй. Для этого с радостью воспользуется замешательством из-за неожиданного проигрыша.

Иначе говоря, это доказывает, что Рьюен признает в Сакаянаги грозного противника без слабостей.

С Токито должны были разобраться быстро, но вмешались Хосен и Утомия, которые находились с ним в одной группе, и разборка грозила перерасти в настоящую драку. Но обошлось, им пришлось разойтись, так как шум услышали другие ученики.

— И все же ты поражаешь. Видела все, но осталась незамеченной?

— Это единственное, на что я гожусь…

Ямамура со своей неприметностью и правда идеальный человек для сбора информации.

Стоит также отдать должное Сакаянаги, она мигом обнаружила способности и применила их.

Ямамура стала свидетелем той сцены из-за беспокойства за Сакаянаги. Та в самом деле скатывалась ниже и ниже.

— Чего ты хочешь?

— Э?..

— Чего ты, одноклассница и человек, от кого Сакаянаги готова была избавиться, хочешь?

— Я…

— Говори от всего сердца.

— Я хочу две вещи… Это много, знаю, но… Во-первых… узнать, что она думала обо мне в тот момент… и что думает сейчас.

— А во-вторых?

— Все же… я думаю, проигрывать — не в стиле Сакаянаги-сан… Я не хочу видеть, как она страдает на экзамене в конце года… Я надеюсь… Я хочу, чтобы она победила.

Ямамура искренне волновалась за одноклассницу, и здесь не было даже намека на расчетливое желание победы класса А.

— Ясно. Вот, значит, как.

Возможно, Сакаянаги нужен легкий толчок. И нужен срочно.

— Тогда почему бы не сказать ей об этом? Ни у кого нет права упрекать тебя за твои действия.

— А е-если… она даже не захочет меня слушать?..

— Если не захочет, ну… мы с тобой втиснемся между какими-нибудь торговыми автоматами и также все обсудим.

Ямамура неловко посмотрела на торговый автомат и кивнула.

Часть 1

Четвертый день лагеря, незадолго до часа ночи.

Отбой минул уже давно, но Нагумо тихо шел по коридору.

Наказания толком не обозначили, и он знал, что если поймают, то сможет отделаться обычным предупреждением. Хотя конечно, после этого придется вернуться в комнату.

Нагумо проверил все возможные риски на других учениках в предыдущие дни. И вдобавок выяснил, когда учителя обычно заканчивали обходы — когда начинался новый день. Поэтому он особо не беспокоился, что его заметят.

Вестибюль был тускло освещен, слышалось только неприятное гудение компрессоров торговых автоматов, стоящих в ряд.

Нагумо прошел через вестибюль и направился в столовую, где никого не должно было быть.

Признаков чьего-либо присутствия он не обнаружил, но интуиция подсказала: здесь кто-то есть. И этот кто-то стоит прямо спереди.

— Ты пришел, не обманул, — раздался милый голос из темной задней части столовой.

— Дамам я еще ни разу не отказывал, — сказал он в темноту.

— Ой, какие слащавые фразочки. Скажу честно, такой типаж меня очень бесит.

— Поверь, я тоже не в восторге от девиц вроде тебя, — хмыкнул Нагумо, после чего, засунув руки в карманы, прошел вглубь столовой.

— Значит, в угрозах необходимости не было? Неужели они оказались лишними?

Постепенно его глаза привыкли к темноте, и в тени он смог разглядеть ученицу.

— Амасава, ты так сильно хотела остаться со мной наедине?

— Нечасто же выпадает возможность побыть с бывшим президентом ученического совета.

— Мне просто любопытно, чтобы ты сделала, не приди я?

— И ежу понятно, Нагумо-семпай. Избила бы твою драгоценную Асахину-семпай! — посмеялась Амасава.

Много бы кто посмеялся в ответ, восприняв ее слова за шутку. И Нагумо улыбнулся уголками рта, однако улыбка не тронула его глаз — он был уверен, что эта первогодка могла так поступить.

— А демонстрация навыков в стрельбе из лука против Аянокоджи нужна была, чтобы придать угрозам весу?

— Ну-у, кое-кто может не воспринимать запугивание девочки всерьез, если она не покажет, на что способна.

— Окей, давай к делу. Что у тебя? Зачем звала и угрожала?

— Есть одна проблемка, которую решить без тебя нельзя, Нагумо-семпай. Хотелось бы поговорить о ней.

— Ты могла поговорить в любое время на этом совместном мероприятии, — отозвался Нагумо, внутренне приготовившись.

Он чувствовал, Амасава не просто какая-то девчонка: она стояла прямо перед ним, но казалась такой неуловимой. То же ощущение исходило от Аянокоджи. Плюс, он мельком увидел ее способности в стрельбе из лука.

Этого уже хватило, чтобы Нагумо насторожился.

— Знаешь, мне неожиданно сильно захотелось пришибить тебя.

— Пришибить? «Неожиданно», это ты верно заметила.

Амасава предвкушала растерянность из-за столь резкой смены темы, но Нагумо лишь рассмеялся, поскольку не поверил.

— Слишком нереально, думаешь? Или считаешь, будто не проиграешь девушке?

— Не знаю даже. Наверное, и то и то.

— И что, ты побежишь?

Амасава отрезала Нагумо путь отхода одними словами. Сделала так, чтобы бывший президент

ученического совета, столь бережно относящийся к своему образу, не сбежал, поджав хвост.

Однако он оставался все таким же уверенным и не выказывал волнения.

— Назовешь причину?

— Причину? М-м, почему бы и нет? Я просто вымещаю злость.

— Вымещаешь злость?

— Да, вымещаю злость. Так, если задержимся, учителя могут поймать нас. Разрешаю потом рассказать обо всем школе, если, конечно, не помрешь от стыда из-за того, что тебя побила девушка. Начнем?

— На всякий случай уточню, ты правда считаешь, что я тебе под силу?

— А-ха-ха, а я ведь ждала этой фразочки. Вот давай и выясним, под силу или нет.

— Тебе легко говорить, а мне от этого пользы нет. Если я, пока ты вымещаешь свою злость, дам тебе сдачи, потом придется еще отдуваться за это.

— Можешь просто не сопротивляться, а дать себя избить. Достоинство уронишь, зато школа не накажет. Отличная идея, я тебе скажу.

— Не боишься исключения?

— Не-а. Если исключат, ничего не потеряю.

— И тебя ничем не переубедить?

— Нет. Во мне нет «ценности». И потому я непобедима.

Нагумо медленно достал обе руки из карманов. Мелькни телефон, и Амасава немедленно бросилась бы и не дала даже шанса позвать на помощь.

— Я не брал с собой телефон.

— Кхм… — Амасава, оставшись под небольшим впечатлением, облизнула губы.

— Остерегалась записи? Ну вот теперь выкладывай, почему ты хочешь сорваться на мне?

— Ты объединился с Аянокоджи-семпаем, чтобы выгнать из школы Ягами Такую, верно? Это расплата.

Нагумо многое предполагал, но причина оказалась настолько неожиданной, что он не смог скрыть своего удивления.

— Ягами? Только не говори, что ты была его девушкой.

— Нет, мы были как брат и сестра.

— Тогда целиться ты должна в другого человека, нет? Не я вел к такому исходу.

— Я знаю. Сказала ведь, я просто хочу выместить злость. К сожалению, Аянокоджи-семпая мне не победить, даже если прыгну выше головы. Я еще думала поколотить Каруизаву-семпай и выгнать ее из школы, но боязно как-то.

— Боязно? Чего, расплаты Аянокоджи? По-моему, он из тех парней, кому будет плевать. В данном случае ему плевать, что случится с Каруизавой.

— Он преследует свои цели. Я не хочу мешать.

Исключение Каруизавы нарушит планы Аянокоджи. Амасава знала обстоятельства, а потому не могла на такое пойти.

— Людям вроде тебя, Нагумо-семпай, к лицу плохой конец.

— Мне к лицу, вот как?

Скажи ему подобные слова в другой раз, он бы возмутился, даже разозлился бы. Но сейчас все эмоции затмила собой пустота.

Поняв, что разговоры — это пустая трата времени, Амасава шагнула вперед.

— В прошлом и позапрошлом годах внимание к себе в школе забирал Хорикита Манабу.

Однако случилась резкая смена темы, и она остановилась.

— В этом году — Аянокоджи. Да и в следующем, уверен, тоже, когда меня уже не будет. Я

проучился здесь три года. Даже побыл президентом ученического совета. Если я и привлек внимание, то только своей параллели, на старших и младших же повлиял ровным счетом никак. Ничто так не опустошает, как осознание этого.

Именно поэтому он с таким отчаянием рвался победить остальных.

— К выпуску до меня наконец дошло. Дело не в Хориките-семпае и не в Аянокоджи. Дело во мне — мне никогда не достичь их уровня.

И поэтому он не разозлился на слова о том, что ему подходит плохой конец.

Если бы только Нагумо был более способным. Тогда он, Хорикита и Аянокоджи встали бы в один ряд. И тогда не было бы смысла выяснять, кто победитель, ведь все они будут равны. Вот что он понял.

— Но… не суть важно. Меня так или иначе это не устроило бы.

Даже если они втроем встанут плечом к плечу, он захочет стать номером один среди них.

— Я не перестану соревноваться. В следующем году я снова выступлю против Хорикиты-семпая. Потом произойдет реальное противостояние с Аянокоджи, которое все расставит по своим местам.

Амасава к этому отношения не имела, поэтому Нагумо мог быть с ней честным. И он был ей благодарен, хотя вслух этого не скажет.

— Пока не начала, у меня для тебя есть подарок.

В Амасаве разгорелся небывалый интерес к разоткровенничавшемуся Нагумо. Она решила послушать.

— Подарок? Знай, я из тех девушек, которые без оглядки выбрасывают подарки от малоинтересных парней.

— Принял к сведению. Можешь и с моим также поступить. У меня для тебя сообщение от Аянокоджи.

— Аянокоджи-семпая?..

Амасава невольно напряглась.

— Если врешь, чтобы спастись, учти: я могу живого места на тебе не оставить.

— Верить мне или нет, сама решай. Аянокоджи передал следующее: «Ты все еще ценна. Не растрать все впустую».

Амасава затесалась к Нагумо на совместное мероприятие затем, чтобы сорваться.

Аянокоджи еще в первый день отметил ее подозрительное поведение.

Она получила всю информацию от Цукиширо, но сделала вид, что не знает правила. Противоречие исходило из лжи, призванной скрыть настоящую причину напроситься к Нагумо.

Услышав сообщение, Амасава в тот же миг растеряла всю враждебность.

— Совпадение? Сообщение кажется больно дальновидным, как будто Аянокоджи знал, что ты от отчаяния начнешь утверждать, будто «ничего не стоишь».

Что Амасава нацелиться на Нагумо, что она будет действовать безрассудно, так как ей нечего терять. Сказанное при расставании претворялось прямо у него на глазах.

«Как же этот козел бесит», — мысленно ругнулся он, при этом испытывая чувство удовлетворения. Сейчас уже нет смысла всерьез противостоять Аянокоджи.

— Я хочу спать, поэтому пойду первым. Ты тоже давай к себе, а не то простудишься.

Нагумо оставил Амасаву одну в столовой.

Продолжение следует…

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: https://vk.com/ranobelist

http://tl.rulate.ru/book/4241/3931923